

Перспективный источник

«Пермский государственный национальный исследовательский университет зарегистрировал эндаумент-фонд», «Форум доноров» признал Владимира Потанина персоной года», «Когда нефтегаз догонит Гарвард?» – апрельские заголовки раздела новостей, посвященные эндаументу. И это далеко не все. Подобных материалов с каждым днем становится все больше и больше, хотя далеко не все знают, что стоит за иностранным словом.

С одной стороны, эндаумент – это форма меценатства. Богатые, и не только, люди помогают негосударственным учреждениям (университетам, музеям, спортивным организациям и др.), жертвуя денежные суммы разного объема, ценные бумаги и недвижимость.

Однако в отличие от обычных пожертвований капитал, собранный в эндаумент-фонд, остается неприкосновенным: тратить можно только доходы от его инвестирования. Последним занимается управляющая компания, которая, согласно закону, также является обязательным атрибутом эндаумента. Она, конечно, претендует на часть прибыли в качестве вознаграждения за работу, но зато эта самая прибыль не облагается налогами. Фонд целевого капитала должен быть сформирован за год и собрать, как минимум, 3 млн руб., чтобы законно функционировать.

Несмотря на то, что с понятием эндаумента знакомы не все, каждый знает наиболее известного его представителя – Нобелевский фонд – яркий пример отлаженной системы эндаумента. Фонд был сформирован в конце XIX века из средств от продажи собственности Альфреда Нобеля, шведского химика, который изобрел динамит. Фонд существовал в течение всего XX века и достойно шагнул в век XXI. В конце 2012 года его активы превышали \$480 млн.

За рубежом наиболее значимую роль эндаументы играют в сфере образования. По данным МГИМО, в американских университетах поступления из эндаумент-фондов формируют от четверти до половины бюджета вуза.

К сожалению, в России фонды пока не добились подобных показателей. Сравните: фонд университета Гарварда – \$30,4 млрд, Йеля – \$19,4 млрд, Стэнфорда – \$17 млрд, в то время как МГИМО – 1 млрд руб., СПбГУ – 750 млн руб. Но, как и западные, наши высшие учебные заведения лидируют по количеству собранных денег среди эндаументов страны.

В защиту российских фондов, нужно сказать, что само понятие целевого капитала законодательно было обозначено только в 2007 году. Тем не менее, уже удается добиться реальных результатов. Фонд управления целевым капиталом «Развитие Санкт-Петербургского университета», образованный в 2008 году, выделил стипендии в размере платы за обучение лучшим студентам направлений, на которых нет бюджетных мест.

«Очень важно добиться каких-либо реальных результатов на средства эндаумент-фонда, поскольку это послужит прекрасным примером для жертвователей и позволит, соответственно, увеличить приток пожертвований» – заявил ректор СПбГУ Кропачев Николай Михайлович.

Развиваются в России и музейные фонды. В 2012 году появились эндаументы Эрмитажа и Петергофа. Основным «донором» первого является Владимир Потанин, второго – Алишер Усманов. В феврале этого года эндаумент-фонд появился у Еврейского музея и центра толерантности в Москве. В течение одного вечера в него было собрано \$4,5 млн.

Чтобы эндаумент приносил значительную пользу, должно пройти немало времени. Пока активы фондов невелики, а значит, и доход от инвестиций не составляет большой прибавки к бюджету организаций. По словам директора Эрмитажа, Михаила Пиотровского, фонд сможет приносить музею ощутимый доход, лишь когда достигнет \$20-30 млн. А найти благотворителей не так просто. Людмила Пантелеева, директор инвестиционного фонда «Газпромбанк – управление активами», отмечает, что сейчас в эндаумент-фонды жертвуют в основном юридические лица (70%), и лишь 30% - физические. Тогда как в США соотношение с точностью до наоборот.

Получается, что эндаументы – во всех смыслах «перспективный» источник дохода: он имеет большой потенциал развития в России, однако полноценно воспользоваться им музеи и университеты смогут лишь в перспективе.

Юлия Клузова